

© 2001 г.

В.В. ЛАПАЕВА

РОССИЙСКАЯ НАУКА В НОВОМ СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: ПУТИ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна - доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Необходимость самоопределения

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что российская наука находится в крайне бедственном положении. Как с горечью заметил А.И. Солженицын в своем докладе на общем собрании Российской академии наук, посвященном ее 275-летию, "еще никогда за три века своего существования на Руси наука не была покинута в таком пренебрежении и даже нищете" [1]. В то время, как развитые страны, являющиеся мировыми научно-техническими лидерами, интенсивно наращивают свое могущество за счет научных знаний, наукоемких, инновационных и высоких технологий, Россия все больше скатывается к уровню стран, являющихся сырьевыми донорами и живущих в основном за счет продажи невозполнимых природных ресурсов [2].

Вспомним начало перестройки, когда научное сообщество, воодушевленное идеями коренного реформирования советского строя, рассчитывало на то, что курс на радикальную модернизацию страны выведет науку на передние рубежи во всех сферах общественной жизни - от производства до принятия властно-управленческих решений. Однако в итоге произошло прямо противоположное. Анализируя причины сложившейся ситуации, известный специалист в области социологии науки Е. Мирская пишет: "...социально-экономический кризис, грянувший вместе с началом реформ, вынудил реформаторов сразу же, с 1992 г., выбросить науку из сферы своих приоритетов. И надо сказать, что за все последующие годы эта позиция ни разу не изменилась" [3].

Объяснение бедственного положения науки одним экономическим кризисом представляется недостаточным. Ведь мы хорошо видим, что в период кризиса одни слою

общества (представители банковской сферы, топливно-энергетического комплекса, высшего и среднего звеньев бюрократического аппарата и т.п.) богатеют, а другие (в том числе и большая часть научных работников) - беднеют¹. Значит, дело не столько в самом кризисе, сколько в причинах, его породивших и направивших развитие событий на благо определенных социальных групп. Нельзя рассчитывать и на то, что наша наука в ее нынешнем положении способна решить задачу перевода промышленности на новый технологический уровень, обеспечить значительный рост ВВП и таким образом заработать себе достойное финансирование [4].

В складывающихся условиях научное сообщество должно занять активную социальную позицию, найти свое место в формирующемся корпоративном устройстве российского общества и создать действенные рычаги влияния на ситуацию. Речь идет о том, что представители научного труда должны осознать себя как самостоятельную корпорацию, имеющую собственные интересы и готовую их отстаивать. А учитывая то обстоятельство, что наука в современном мире является производительной силой, о представителях научного труда вполне можно говорить не просто как о корпорации, но и как об особом социальном классе. Некоторые идеи Гегеля и Маркса подчас звучат весьма актуально в современной России, и можно сказать, что научному сообществу предстоит трансформироваться из "класса в себе" в "класс для себя", способный выступить в качестве активного субъекта социально-политического действия.

Пока что научное сообщество заметно отстает от большинства коллективных субъектов в плане осознания и отстаивания своих групповых (корпоративных) интересов. Сегодня представители многих слоев и групп нашего общества ведут продуманную и планомерную работу по объединению сил для реализации групповых интересов и наращивания с этой целью возможностей влияния на власть. Каналы такого влияния уже наладили (или активно работают в этом направлении) крупный, малый и средний бизнес, аграрии, ТЭК, ВПК, организованная преступность, деятели культуры (постоянно находящиеся на авансцене политической жизни и охватывающие широким фронтом весь спектр политических сил) и т.д. И даже олигархи уже не ограничиваются индивидуальными механизмами давления на власть, а объединяются для совместной защиты своих групповых интересов. Особое место в структуре формирующегося корпоративного устройства постсоветской России занимает обильно разрастающееся чиновничество, которое все откровеннее проявляет себя не как представитель общегосударственного начала, а как чиновничья корпорация, отличающаяся от других эгоистически ориентированных группировок лишь существенно большими ресурсами для удовлетворения своих групповых и индивидуальных интересов благодаря "почти неограниченной возможности конвертации власти в собственность" [5].

Научные работники демонстрируют на этом фоне социальную пассивность. На мой взгляд, не соответствуют реальности представления о том, будто "научное сообщество России за последние годы все более оформляется в своеобразную корпорацию, которая через различные информационные, правительственные, парламентские, региональные и межрегиональные связи и каналы стала строить и активно лоббировать, проводить свои интересы, осуществлять давление на политическую элиту с целью получения индивидуальных и коллективных выгод" [6]. Если подобная работа и ведется, то она не выходит на поверхность общественной жизни, где почти не наблюдается сколько-нибудь заметных следов активной деятельности в пользу интересов науки или ее отдельных отраслей (за исключением нескольких акций протеста, организованных профсоюзами). Напротив, представители науки в массе своей терпеливо и бескорыстно продолжают работать на общие интересы, связанные с поддержанием

¹ Весьма выразительные в этом плане цифры приводит в своих работах академик Д. Львов, по расчетам которого рента от использования природных ресурсов страны (а на нее, кстати, приходится 75% общего прироста совокупности дохода России) почти целиком "присваивается финансовыми и другими олигархами, а также криминальным бизнесом". - *Львов Д.* Экономическая модель XXI века. Все, чем сегодня располагает наша страна - не что иное, как рента от использования ее природных ресурсов // НГ-политэкономика, № 19. 1999. 29 декабря. С. 7.

научно-технического потенциала страны и обеспечением научных потребностей государства, деликатно не напоминая, что в условиях рынка за все надо платить.

Такое положение дел объясняется, по-видимому, традициями взаимоотношений российской науки с государством. Ведь в отличие от европейской науки, "концентрировавшейся преимущественно вокруг университетов и существовавшей самостоятельно и независимо в основном за счет совмещения научной деятельности с преподавательской, российская наука родилась и выросла благодаря попечению государственной власти и за счет государства... Именно в силу этого у российского научного сообщества нет традиций корпоративности и подлинной независимости" [7]. Другие причины социально-политической пассивности научного сообщества связаны как с привычкой российской интеллигенции отдавать приоритет духовной, а не материальной стороне жизни, так и с ее глубокой приверженностью идеям реформирования общества, ради осуществления которых она готова в значительной мере поступиться своим благополучием. Можно согласиться с В. Федотовой, считающей, что в отличие от остальных групп и слоев нашего общества, обедневших в ходе реформ, интеллигенция (а ее костяк составляет именно научное сообщество, а вовсе не находящиеся у всех на виду и на слуху "представители творческой интеллигенции") дольше всех мирилась и все еще продолжает мириться "с ухудшением своего материального положения, с потерей роли среднего класса (по масштабам советского общества) во имя дорогих ей идей" [8].

Пора признать, что характер взаимоотношений науки с государством существенно изменился, что проявилось в резком сокращении бюджетного финансирования науки. Это отбросило нашу страну далеко за тот порог, с которого начинается технологическая деградация. Таким пороговым значением считается сокращение расходов на науку ниже 2% ВВП [9], у нас же динамика такова: 1992 г. - 0,54%, 1997 г. - 0,33%, а на 2001 г. планируется довести до 0,23% [10]. Принятый недавно новый бюджет страны показал, что изменений в сфере государственного финансирования науки не предвидится². В этих условиях наука вынуждена искать средства для своего выживания в темных лабиринтах нынешнего дикого рынка со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Кроме того, жизнь очень сильно разошлась с теми идеями реформ, которые водружали научное сообщество. Сложилась новая социальная реальность, требующая иных форм поведения. В этих условиях российская наука, чтобы выжить и развиваться, должна: 1) осознать корпоративный характер формирующегося в стране общественного устройства и найти свое место в нем в качестве самостоятельной корпорации со своими собственными интересами; и 2) создать эффективные механизмы реализации этих интересов и прежде всего - способы влияния на власть и участия во власти. Рассмотрим каждый из выделенных моментов.

Место науки в корпоративном устройстве общества

Характеризуя сложившийся в стране режим, политологи используют в последнее время такие термины, как "номенклатурный капитализм", "бюрократический капитализм", "госкапитализм" и т.п. Однако при всей критичности подобных характеристик они представляются существенно завышенными. Точнее было бы говорить о докапиталистическом (т.е. нефеодалном) состоянии нынешнего российского общества. Причина, по которой страна оказалась в нефеодалной ситуации, кроется, как счи-

² Несмотря на то, что в бюджете 2001 г. общий объем финансирования науки в абсолютных цифрах увеличен на 1,5 млрд. руб., доля расходов на науку в бюджете страны медленно, но верно сокращается: в 2001 г. на науку выделено 1,85% от общего объема расходных статей бюджета против 1,87% в 2000 г. и 2,02% - в 1999 г. При этом норма закона "О науке...", предусматривающая выделение 4% расходов бюджета на науку, за время действия закона ни разу не выполнялась. См.: *Бабкин В.* Что ожидает отечественную науку в новом тысячелетии? // Интеллектуальная собственность (Промышленная собственность). 2001. № 1. С. 6.

тает академик В.С. Нерсесянц, в характере постсоциалистического преобразования собственности. В ходе реформ, по его мнению, было осуществлено не разгосударствление собственности, а напротив, огосударствление прежней социалистической собственности (т.е. собственности "всех вместе" и "никого в отдельности"), которая до этого и не была собственностью в политико-экономическом и правовом смысле этого слова. Лишь с помощью приватизации, проведенной в интересах узкой номенклатурной прослойки, "постсоветское государство как раз и создало экономико-правовые условия, необходимые для самоутверждения в качестве настоящего собственника. По смыслу этого процесса вся масса объектов бывшей социалистической собственности становится настоящей собственностью государства именно потому, что некоторые ее объекты ... переходят к отдельным членам общества (индивидам, трудовым коллективам, объединениям, акционерным обществам, и т.д.)" [11]. В результате вместо гражданского общества как области частных интересов и правового государства как представителя общего начала и выразителя общей воли мы имеем в социально-политической сфере доминирование сросшихся с властью криминально-олигархических кланов. Различные группировки бюрократии азартно делят власть и собственность, а остальные активные субъекты социального действия объединяются в корпорации и пытаются по мере сил отстоять свои групповые интересы в этой общей "борьбе всех против всех".

Надежды на то, что с помощью развития многопартийности удастся переломить тенденцию к нефеодалной корпоративизации социально-политической жизни, себя не оправдали. Корпоративные кланы подмяли под себя партии, ставшие одним из инструментов реализации их интересов. Наблюдаемая сейчас ситуация с принятием нового закона о партиях целиком вписывается в общую схему корпоративного устройства российского общества, где каждая влиятельная группировка стремится к максимальному использованию имеющихся в ее распоряжении властных ресурсов для реализации своего группового интереса. Политические объединения, победившие на последних выборах в Государственную Думу, откровенно спешат закрепить свое доминирующее положение на обозримое будущее, делая ставку на поддержку усилившихся государственных структур, заинтересованных в формировании управляемой нижней палаты парламента и партийно-политической системы в целом [12].

Теперь вполне очевидно, что все наиболее влиятельные участники политического процесса, т.е. "те, кому удалось занять выгодное положение в хаотическом становлении симбиоза бюрократии, публичных политиков и приватизировавшей государственную собственность новой финансово-промышленной элиты, заинтересованы ... в том, чтобы сохранить за собой и максимизировать преимущества в рамках существующего режима" [13]. Поскольку в их руках находятся практически все основные ресурсы власти и собственности, то следует признать, что тенденция к корпоративизации социально-политических отношений приобрела уже большие обороты, страна прочно вступила на эту колею и будет двигаться по ней в обозримом будущем. С данным фактом, конечно, не надо мириться, но его необходимо учитывать.

Для научного сообщества учет этого обстоятельства должен означать понимание следующих принципиальных моментов. Прежде всего — это признание того факта, что в условиях тотальной войны эгоистических групповых интересов и очевидной неспособности чиновничества быть выразителем общегосударственного начала российская наука осталась по существу единственным социальным институтом, выражающим интересы сохранения, воспроизводства и развития общества в целом. Она является наиболее компетентным, ответственным и заслуживающим общественного доверия субъектом социального действия, способным выражать интересы той значительной части населения, которая осталась за рамками корпоративных кланов, получивших доступ к власти и собственности.

Второй момент связан с пониманием того, что в контексте сложившихся у нас корпоративных порядков любой общий интерес (включая и представленный наукой общий интерес, связанный с поддержанием жизнедеятельности общества в целом) -

для того, чтобы он был признан и осуществлен, - по необходимости должен быть выражен в виде интереса самостоятельной корпорации, способной утвердиться, выжить и действовать в напряженной борьбе с уже имеющимися мощными корпоративными группировками. Это означает, что представителям науки необходимо осознать себя в качестве такой корпорации, сформулировать свои корпоративные интересы (причем, не в виде набора декларируемых притязаний, а в форме научно обоснованной социально-политической программы, конкретизированной в пакете взаимосвязанных законопроектов) и заняться созданием и укреплением организационных структур, способных добиться реализации своих интересов.

Как справедливо заметил в данной связи С.А. Магарил, "исторический опыт немудимо свидетельствует: социальные группы, не способные сформулировать политику в защиту собственных интересов, не способные сформировать влиятельные организационные структуры для реализации этой политики - оттесняются на экономическую и социальную обочину, подвергаются эксплуатации и неизбежно деградируют" [14]. Разделяя ряд позиций процитированной статьи, не могу согласиться с тем, что в качестве такой группы, которая должна сплотиться для защиты собственных интересов, он выделяет интеллигенцию в целом. Российская интеллигенция (как ни определять данное понятие, ускользающее от четких формулировок) - это слишком неоднородное по своей социальной структуре образование, чтобы можно было бы говорить о ее корпоративной идентичности. Не случайно автор, не сумев сформулировать корпоративный интерес интеллигенции, подменяет эту проблему формулированием ее задач, которые он видит в подвижнической работе по демократической модернизации общества в интересах большинства путем политического и правового просвещения сограждан. В этом, заключает он свою статью, - исторический и нравственный долг интеллигенции перед народом [15]. Такой подход к проблеме представляется весьма благородным, но мало конструктивным в сложившихся условиях. Думаю, не надо произносить все слово "интеллигенция", оставив его для характеристики той нравственной элиты, которая способна исполнять долг подвижничества в духе российской интеллигентской традиции. К остальной же образованной части общества целесообразно подойти с более трезвыми мерками, понимая, что в данном случае служит не идея долга перед согражданами, а осознание своих интересов и профессиональных ценностей в контексте интересов и ценностей всего общества. При этом важно иметь в виду, что наука (научное сообщество) - это отнюдь не рядовая корпоративная группировка со своими обособленными эгоистическими интересами. Наука, несущая в общество общезначимое знание, а не заинтересованное мнение той или иной группы или клана, - это корпорация общих интересов.

Само по себе понимание того, что интересы отечественной науки совпадают с интересами страны, будущее которой зависит сейчас от того, удастся ли ей в ближайшее время "форсировать развитие собственных передовых технологий, создать благоприятные условия для их ускоренного внедрения и быстрой, радикальной модернизации производства" [16], не может объединить представителей науки (хотя и является важным фактором, воодушевляющим к такому объединению). Для формирования сплоченной научной корпорации необходимо прежде всего четкое осознание собственных интересов широкими массами научного сообщества. В настоящее время есть лишь понимание настоятельной потребности изменения сложившегося положения дел в области отношений между наукой и государством: о необходимости реформ в этой сфере заявило около четырех пятых ученых ряда академических институтов, опрошенных специалистами сектора социологии науки Института истории естествознания и техники РАН. Однако лишь малая часть ученых смогла ответить на вопрос, что именно следует изменить в системе управления и системе финансирования академической науки [17]. Между тем предпринимаемые государством в последнее время меры по правовому упорядочиванию сферы своих взаимоотношений с наукой требуют мобилизации сил научного сообщества на участие в этом процессе, иначе интересы науки (и в том числе тех ее представителей, которые сейчас демонстрируют рыночную пред-

примчивость) могут оказаться существенно ущемленными. Чтобы этого не произошло, надо выработать внутренне согласованную позицию, отражающую интересы научного сообщества как целого.

Главным направлением, по которому государству и науке предстоит выработать взаимоприемлемые подходы, является определение четких правовых границ участия отечественной науки в рыночных отношениях. Государство, которое по сути дела вытолкнуло науку в рынок, в последнее время проявляет все большую озабоченность последствиями этого и в первую очередь тем, что в условиях неразвитости в России наукоемкого производства вхождение науки в рынок нередко оборачивается дешевой распродажей научного потенциала страны западным фирмам [181]. Ученые в свою очередь имеют не меньшие основания быть недовольными государственной политикой в области управления наукой. Научное сообщество болезненно переживает то обстоятельство, что вынужденная погоня за прибылью, не свойственная природе науки, ведет к свертыванию некомерциализируемых областей научного знания и прежде всего фундаментальных исследований. Неразвитость механизмов защиты интеллектуальной собственности, нечеткость законодательства о государственной тайне, о служебных и секретных изобретениях, о коммерческой тайне и т.п. приводит к тому, что рыночное использование объектов интеллектуальной собственности в их наиболее важной и доходной части слабо гарантировано от возможности развития событий по модели знакового "дела Поупа". Очевидно, что здесь надо искать правовые подходы, которые устроили бы и государство, и науку.

Важнейшей точкой пересечения интересов государства и науки является проблема интеллектуальной собственности. Однако интерес, проявляемый научным сообществом к этой проблеме, явно не соответствует ее значению. Уже в течение нескольких лет идет работа над третьей частью Гражданского кодекса РФ, в которой предполагается во многом по-новому регламентировать отношения, связанные с защитой права интеллектуальной собственности, определением субъектов интеллектуальной собственности, охраной и использованием объектов этой собственности и т.д., но столь важные для науки вопросы до сих пор так и не стали предметом широкого обсуждения, а различные варианты готовящихся правовых решений не были опубликованы в печати и доступны в настоящее время лишь узкому кругу специалистов.

Кроме того, должны получить законодательное оформление положения Указа Президента РФ от 22 июля 1998 г. о закреплении за государством прав на результаты научно-технической деятельности, полученные за счет средств государственного бюджета [19]. От того, каким образом эти положения будут конкретизированы в законе, будет зависеть возможность научных организаций и отдельных ученых получать доходы от основных результатов своей научной деятельности, поскольку большинство этих результатов было получено в ходе исследований, финансируемых государством. В настоящее время есть большие опасения по поводу того, что начавшаяся во исполнение этого указа работа по инвентаризации и оценке интеллектуальной собственности будет проведена не столько с целью вовлечения ранее полученных результатов в хозяйственный оборот, сколько с фискальными целями [22] и завершится масштабным огосударствлением объектов интеллектуальной собственности, лишив таким образом науку существенной доли ее главного достояния, созданного усилиями нескольких поколений отечественных ученых.

Заметное напряжение внутри научного сообщества создает и нынешняя правовая неупорядоченность способов, форм и пропорций перераспределения результатов рыночного использования научной продукции внутри отдельных исследовательских коллективов. Ни для кого не секрет, что продвинутые в рынок представители того или иного научного коллектива зачастую реализуют на рынке результаты труда, полученные не только и даже не столько ими. Конечно, определенная часть финансовых средств, получаемых от рыночного использования научного знания, затем перераспределяется среди остальной части трудового коллектива, однако устанавливаемые

решениями администрации пропорции этого перераспределения зачастую несправедливы по отношению к тем научным работникам, которые непосредственно не связаны с рынком и несут на себе основную нагрузку по поддержанию и развитию соответствующей области научного знания и прежде всего ее фундаментальной составляющей. В результате исподволь разрушается сформировавшаяся в российской науке система ценностей и свойственная ей атмосфера коллективного научного творчества, развивается процесс социальной дифференциации научного сообщества. Очевидно, что данная сфера взаимоотношений внутри научного сообщества требует надлежащего правового регулирования, основанного на балансе интересов как рыночно активной его прослойки, так и тех, кто продолжает работать в отраслях знания, не имеющих непосредственного выхода на рынок.

Непосредственное участие ученых в рыночных формах реализации результатов их труда, безусловно, возможно и даже необходимо, но в весьма ограниченных масштабах. С точки зрения рыночных отношений существенно то, что в процессе научного творчества создается продукт, который в условиях современного рынка является наиболее доходным товаром. В этом смысле наука и так уже давно "вошла в рынок". Проблема лишь в том, что наше государство, которое управляет общенациональными делами, к каковым в силу своей общезначимости, безусловно, относится и наука, не рассматривает науку как партнера по рыночным отношениям. При этом отношения между наукой (как сферой производства научной продукции), с одной стороны, государством и обществом (как пользователями этой продукции), с другой стороны, остаются не реформированными, не приведенными в соответствие с новыми реалиями постсоциалистической системы рыночных отношений. Продукт научного труда - научные знания - не воспринимается государством в качестве товара, за который надо платить по рыночным ценам. Чтобы изменить эту ситуацию, науке в ее трудных переговорах с властью необходимо продемонстрировать свою силу не только в смысле формулы Фрэнсиса Бэкона "Знание - это сила", но и в прямом смысле слова - как социально-политическую силу, осознающую свои групповые интересы и умеющую их отстаивать.

Научное сообщество как социально-политическая сила: пути становления

Что необходимо сделать научному сообществу для самоорганизации в качестве социально-политической силы? Прежде всего, надо прекратить метания между правыми и левыми (это работа на чужой интерес), признать тот факт, что в обозримой перспективе наша социальная реальность будет развиваться не по идейным сценариям либералов или коммунистов, а по корпоративному принципу, и вплотную заняться повышением конкурентоспособности своей корпорации.

Конечно, у науки как корпорации нет скрепленных приватизацией связей с исполнительной властью, нет пока и финансовых ресурсов, которые позволили бы наравне с мощными кланами влиять на партии, имеющие фракции в парламенте. Но у научного сообщества есть кадровые, организационные и интеллектуальные ресурсы, необходимые и достаточные для создания сильной собственной партии (условное название - Партия поддержки российской науки), главной целью которой должна стать защита интересов научной корпорации. Для этого есть многочисленное сообщество людей, понимающих ценность науки и ее определяющее значение для общества. Есть разветвленная сеть институтов и вузов по всей стране с налаженной системой сотрудничества. Есть большое влияние на образованную молодежь. Немало людей, так или иначе связанных с наукой, работает в бизнесе и в госаппарате. Но самое главное - это то, что корпоративный интерес науки объективно совпадает с интересами всего общества. И если ученые сумеют объяснить это обществу, то Партия поддержки российской науки найдет опору в народе и сможет стать реальной социально-политической силой.

Почему речь должна идти именно о партии, а не просто об общественной организации? Да потому, что партия - это тот единственный канал влияния на власть и участия во власти, который можно создать своими силами, не рассчитывая на помощь со стороны чиновников и даже вопреки их вполне возможному противодействию. Это не значит, конечно, что не нужно формировать иные общественные объединения ученых, активизировать профсоюзы научных работников, развивать такую форму самоорганизации научного сообщества, как общественные академии и т.д. Безусловно, необходимы усилия и в этих направлениях. Однако практика взаимодействия наших органов власти с общественными объединениями и иными ассоциациями граждан показывает, что возможности легального лоббирования этими структурами своих интересов весьма ограничены в нашей стране и уж во всяком случае значительно ниже, чем у партии, имеющей хотя бы несколько представителей в парламенте.

Поэтому уже на данном этапе нам нужна партия, которая ставила бы своей целью участие в следующих парламентских выборах как по партийным спискам, так и в одномандатных округах. Работу по созданию собственной партии нельзя затягивать, потому что по действующему законодательству партия, которая могла бы участвовать в следующих выборах в Государственную Думу, должна быть зарегистрирована Министерством юстиции РФ не позднее декабря 2002 г. (т.е. за год до следующих выборов).

Трудно, конечно, рассчитывать на то, что вновь созданная партия сразу же пройдет пятипроцентный барьер при выборах по партийным спискам и сможет сформировать свою фракцию в нижней палате парламента. Но провести несколько человек в одномандатных округах - вполне посильная задача. Наличие в Думе своих депутатов позволит научному сообществу от пожеланий и просьб, адресованных исполнительной власти, перейти к выработке законопроектов, отражающих позиции и интересы науки по актуальным проблемам ее взаимодействия с государством. Кроме того, с помощью партии можно будет обеспечить интеллектуальную, организационную и пиаровскую поддержку своим депутатам со стороны широких научных кругов и не только по вопросам, непосредственно связанным с интересами науки, но и по самым разным направлениям законодательной деятельности, относящимся к компетенции российских ученых.

Другое важное направление социально-политической самоорганизации научного сообщества связано с расширением возможностей использования для защиты интересов науки таких традиционных форм организации ученых, как академии наук. Академии как организации, объединяющие ученых, имеют возможность публично выражать и авторитетно представлять в диалоге с властью интересы всего научного сообщества. В настоящее время академии наук в России существуют в двух организационно-правовых формах: как общественные объединения (общественные академии наук) и как государственные учреждения. К последним относятся Российская академия наук и ряд отраслевых академий. При этом признанное лидерство в научном сообществе принадлежит РАН, которая почти за трехсотлетнюю историю своего развития на базе уникальной формы сочетания самоорганизации научного сообщества с существенной государственной поддержкой сложилась в мощную организационную структуру, пронизывающую и объединяющую в единое целое все направления фундаментальной науки, имеющую материально-техническую базу и многочисленные научные кадры.

Большую опасность для научной корпорации представляют сейчас любые попытки ликвидации РАН как центра управления фундаментальной наукой и превращения академии в "элитный клуб обладателей почетного звания" [21]. Подобные идеи обычно сопровождаются предложениями о распылении научно-исследовательских институтов на "группы по интересам" и переходе от государственного финансирования науки к заключению исследовательскими коллективами договоров с государством и другими наукопользователями на конкурсной основе, передаче имущества академических институтов государству, разделении РАН на отдельные академии естественных, точных и гуманитарных наук и т.п. Такая концепция реформирования науки и реорганизации

РАН, в основном изложенная еще в известном письме А. Яковлева Генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву от 5 ноября 1991 г., в последнее время вновь активно обкатывается в общественном мнении.

В этой связи по-прежнему актуально звучат слова академика РАН В. Коптюга, сказанные им в начале 90-х годов: "Почему такая жажда раздробить Академию наук на малосвязанные между собой осколки? Я считаю, что это обусловлено пониманием того, что единое научное сообщество - это огромная интеллектуальная сила, которая будет препятствовать навязыванию России статуса развивающейся державы. И было бы совсем неплохо, если бы наше научное сообщество в полной мере осознало всю важность сохранения РАН как системы, как дома единого академического сообщества" [22]. Поэтому очень важно, чтобы идущие в последние годы дискуссии по поводу реформирования РАН и структурной перестройки всей российской науки не вылились бы во внутринаучные распри, подрывающие единство научного сообщества. Это сейчас - работа на самоуничтожение. Сохранение значения РАН как общего фундамента и системообразующего центра всего российского научного сообщества является необходимым условием конкурентоспособности науки в борьбе с другими корпорациями и олигархическими кланами за свои интересы. Стратегические задачи выживания и развития российской науки требуют существенного укрепления позиций РАН в ее взаимоотношениях с властью, повышения ее влияния на процессы принятия властных и управленческих решений.

В настоящее время есть все основания говорить о невостребованности науки руководством страны. Именно так формулирует, в частности, академик Г. Осипов наиболее болезненную точку во взаимодействиях РАН с властными структурами. Решение этой проблемы он предлагает искать в двух направлениях. Первое - предоставление права президенту РАН "непосредственно, минуя чиновников от науки, выносить на рассмотрение правительства или доводить до сведения президента наиболее важные и принципиальные разработки академии, рекомендации по практическому использованию научных открытий и изобретений..." [23]. Второе направление - это такое взаимодействие с правительством, в рамках которого правительство ставило бы перед академией проблемы, требующие научного решения, а академия предлагала бы свои проекты и осуществляла экспертизу наиболее принципиальных решений, принимаемых правительством и Государственной Думой. К "законодательному закреплению за академией наук статуса главного экспертного органа правительства" и предоставлению академии "решающего слова в оценке эффективности крупномасштабных проектов" [24] призывает в своих публикациях и академик Д. Львов, о необходимости выполнения Академией наук "объективно предназначенной ей роли высшего научного эксперта" говорят академик К. Фролов и др.

Опасаясь, что предложения академиков, традиционно адресованные исполнительной власти и главе государства, в значительной мере окажутся также невостребованными, как и многие иные предложения ученых. А если эти идеи и будут частично реализованы, то в самом невыгодном для науки варианте: ученые завалят заданиями на бесплатные экспертизы и проекты. При этом, выборочно используя те или иные научные идеи и разработки, власть в целом останется при своих позициях, да еще получит дополнительную возможность сделать науку (и прежде всего РАН) "козлом отпущения" за свои ошибки. Специалисты, занимающиеся, в частности, юридической экспертизой законопроектов, давно убедились, что профессиональная аргументация эксперта может оказывать влияние на сложившуюся позицию законодательной или исполнительной власти, как правило, до тех пор, пока рассматриваемая проблема не выходит за рамки "правовой материи". Но если проблема ставится в политической плоскости (а на уровне высших органов власти любое правовое, как, впрочем, и иное, решение в своей концептуальной части имеет политическое звучание), то шансы на то, что заключение эксперта в этой его части будет востребовано, становятся весьма незначительными. Если первоначальная позиция властного субъекта и изменится, то, скорее всего, не под влиянием научной аргументации, а под давлением тех сил,

которые используют эту аргументацию в своих интересах. Поэтому, чтобы влиять на власть в существенных вопросах, а не обслуживать ее, надо иметь те силы в обществе и в формируемых им представительных органах власти, которые могли бы защитить позицию науки в том или ином вопросе.

В наших условиях лишь опора на общественные силы и зависящего от них законодателя даст науке возможность уйти от положения вечного просителя и занять равноправную позицию в диалоге с исполнительной властью. И только с таких позиций имеет смысл предлагать президенту и правительству страны те или иные формы организации их взаимодействия с наукой.

Что же касается научной экспертизы решений, принимаемых структурами законодательной и исполнительной власти, то, на мой взгляд, она должна проводиться не по заданиям со стороны органов власти, а по инициативе самого научного сообщества, оформленной как инициатива Президиума РАН. При этом необходимо законодательно закрепить особый статус академической экспертизы (например, речь могла бы идти о том, что экспертное заключение, поддержанное Президиумом РАН, в обязательном порядке оглашается на заседании правительства или на пленарном заседании Государственной Думы и что в случае несогласия с заключениями экспертизы соответствующие министерства, парламентские комитеты и иные органы должны представить свои аргументированные возражения). Такой подход предполагает, что научное сообщество должно иметь своевременную информацию о готовящихся решениях исполнительной и законодательной власти. Поэтому было бы целесообразно определить в законодательстве перечень вопросов, по которым правительство обязано заблаговременно информировать Президиум РАН о готовящихся проектах своих решений. Что же касается отслеживания и отбора законопроектов, нуждающихся в академической экспертизе, то основную нагрузку в решении этой проблемы могли бы взять на себя депутаты, выдвинутые в парламент Партией поддержки российской науки.

Можно предложить и другие правовые подходы к повышению статуса науки в ее взаимоотношениях с властью. Одним из них является предоставление РАН права законодательной инициативы. При этом задача-минимум - закрепление за РАН данного права по вопросам ее специального ведения, связанным с проведением фундаментальных и прикладных научных исследований и координацией фундаментальных исследований, проводимых за счет средств федерального бюджета (аналогично предоставленному высшим судебным инстанциям праву законодательной инициативы по вопросам их ведения). А задача-максимум - это право РАН на осуществление законодательной инициативы по всем вопросам, относящимся к предмету научной компетенции академического сообщества.

Наука - это созидательная сила, работающая на общее благо, на рационализацию и прогрессивное развитие всей системы производственных, общественных и духовных отношений. Именно поэтому, как верно заметил академик Е. Примаков во время встречи В. Путина с ведущими учеными страны в августе 2000 г., идея поддержки науки - это "одна из неперенных составляющих той национальной идеи, которая должна объединить российское общество" [25]. Если научное сообщество осознает данное обстоятельство и сумеет объяснить это людям, то научная корпорация найдет опору в народе и сможет стать реальной социально-политической силой, действующей в интересах всего общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Солженицын А.И.* Наука в пиратском государстве. Слово при получении большой Ломоносовской медали Российской Академии наук // Независимая газета. 1999. 3 июня. С. 8.
2. Классификацию стран в зависимости от уровня их научно-технического развития см.: *Ракитов А.И.* Роль науки в устойчивом развитии общества // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 12. С. 1061.
3. *Мирская Е.* Российская академическая наука в зеркале социологии // НГ-Наука. № 5. 2000. 24 мая. С. 13.
4. *Лесков Л.* О реформе научной деятельности в России // НГ-Наука. № 3. 2001. 21 марта. С. 3.

5. *Смирнов В.В.* Российская демократия: испытание "сильным государством" // Профессионалы за сотрудничество. М., 2000. Вып. 4. С. 44.
6. *Титов В.Н.* Институциональный и идеологический аспекты функционирования науки // Социол. исслед. 1999. № 8. С. 64.
7. *Гордеева Н.А., Филь М.М.* Закон для ученого // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 12. С. 1078.
8. *Федотова В.* Необучаемые? // Независимая газета. 1999. 30 июня. С. 8.
9. *Абалкин Л.* Экономическая безопасность России // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 9. С. 773.
10. *Ваганов А.* Наука в академическом отпуске // В России что-то происходит. М., 2000. С. 98.
11. *Нерсесянц В.С.* Гражданская концепция общественного договора об основах постсоциалистического строя // Социол. исслед. 2001. № 2. С. 31.
12. См.: *Лапаева В.В.* У общества пока нет сил защитить свои интересы // Независимая газета. 2000. 28 октября. С. 3.
13. *Кулик А.Н.* Российская многопартийность: модель догоняющей политической модернизации? // Профессионалы за сотрудничество. М., 2000. С. 104.
14. *Магарил С.А.* Гражданская ответственность интеллигенции // Социол. исслед. 2001. №2. С. 53.
15. Там же. С. 56.
16. *Ракитов А.И.* Цит. соч. С. 1062.
17. *Мирская Е.З.* Цит. соч.
18. *Ваганов А.* Цит. соч. С. 110-113.
19. Указ Президента РФ "О государственной политике по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности и объектов интеллектуальной собственности в сфере науки и технологии" // Собрание законодательства РФ. 1998. № 30. Ст. 3756.
20. *Козырев А.* Инвентаризация и стоимостная оценка интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2001. № 1. С. 34-39.
21. *Петров И.* Академическая реформа неизбежна // НГ Наука. 2000. № 9 (34). 18 октября. С. 9.
22. *Добрецов Н.* Академическая реформа или путь разрушений // НГ-Наука. № 10 (35). 22 ноября. С. 11.
23. *Осипов Г.* Академия наук под ударом // Независимая газета. 2000. 23 февраля. С. 8.
24. *Львов Д.* Фирс в роли Лопухина // Независимая газета. 2001. 3 марта. С. 8.
25. *Молчанов Е.* Цит. соч. Ч. 9.